Поэзия — вокруг нас

В беседе с вашим корреспондентом

Яков ЧЕРНОВ

Я. Чернов — один из старейших московских журналистов, более полувека пишущий о литературе и искусстве. Сейчас он работает над книгой «В беседе с вашим корреспондентом», куда войдут как опубликованные ранее очерки, зарисовки, интервью, так и воспоминания, почерпнутые из старых записных книжек. В предисловии автор пишет, что его глубоко взволновали слова, прозвучавшие недавно со страниц «Правды», о том, что уходят люди, чей облик мы хотели бы сохранить, но уходят и те, в чьей памяти они еще живы. Наша задача — запечатлеть для потомства драгоценные минуты общения с людьми, которые выражают и в которых выражается Время.

Мы знакомим читателей с двумя главами будущей книги, в которых автор рассказывает о своих встречах с В. В. Маяковским и Ф. В. Гладковым.

...Дом актера и Центральный Дом работников искусств, Дом кино и Дом композиторов, Дом архитектора, Дом художника, Центральный Дом литераторов — эти клубы творческой интеллигенции появились много позже. Тогда же в Москве знали лишь Дом печати, ныне именуемый Центральным Домом журналиста. Правда, писатели заходили на огонек и в Дом Герцена на Тверском бульваре, где сейчас помещается Литературный институт имени А. М. Горького, но подлинным центром культурной жизни столицы все же оставался Дом печати. И вот сюда более полувека назад меня, ученика школы-семилетки, часто брал с собой отец — издательский работник. Здесь посчастливилось мне неоднократно присутствовать на поэтических вечерах и диспутах, главным событием которых были всегда вызывавшие огромный интерес выступления В. Маяковского.

Многое в них было тогда недоступно моему пониманию, но огромное впечатление производили страстность, горячая убежденность, язвительный сарказм, предельно резкая критика того, против чего ополчался знаменитый поэт, или звучащие диссонансом всему этому добрые, почти ласковые слова в адрес явлений и людей, пришедшихся ему по вкусу. А как бесподобно читал он свои стихи — это всегда в самом точном смысле слова потрясало слушателей! Рассказать о том, как читал Маяковский, — невозможно. Много лет спустя в разговоре с Владимиром Николаевичем Яхонтовым я попытался это сделать, но мастер остановил меня:

— Не надо, не получится. Есть ведь такое понятие — неповторимость...

Познакомиться с Владимиром Владимировичем мне посчастливилось в связи с «официальным» обращением к нему. К тому времени я уже был активным деткором (детским корреспондентом) «Пионерской правды», принимал участие в работе юношеской секции Дома печати. Почти все входящие в нее начинающие журналисты мечтали о «большой литературе» — пробовали писать рассказы, стихи и даже пьесы. На этом основании задумали создать объединение, которому уже заранее дали название — «Литературная мастерская». Что делать в таком объединении — было не ясно. Решили посоветоваться с властителем наших дум, частым гостем Дома печати — Маяковским. Вести этот разговор поручили председателю и секретарю юнсекции и мне.

Встреча с поэтом состоялась не скоро: сначала он находился в длительной поездке по стране, а на проводимых по его возвращении вечерах был недоступен. Помогла дружеским советом вездесущая и всезнающая старушка Вера Федоровна, пользовавшаяся всеобщим уважением и любовью заведующая хозяйством Дома печати:

— А вы к нему подойдите, когда он в бильярд кончит играть. Но только тогда, когда будет в выигрыше.

Прекрасная мысль! Мы знали, что Владимир Владимирович очень любил эту игру, всегда по-снайперски посылал шары в лузы, и в дни, когда происходили бильярдные баталии с его участием, неизменно находились в числе зрителей. Все было дорого, все казалось прекрасным нам в облике нашего кумира: и то, как перед игрой снимал он пиджак, аккуратно вешал его на спинку стула, расстегивал пуговицу у воротника и ослаблял петлю галстука; как брал со стойки кий и, прежде чем намазать его острие мелом, держал перед собой на уровне глаз, словно проверяя — нет ли неровностей.

В день, когда мы обратились к нему с нашим, как нам казалось, важным делом, Маяковский выиграл подряд две партии, остался этим очень доволен и, надев пиджак, минут двадцать (не меньше!) беседовал с нами. Сейчас, спустя столько лет, я не осмеливаюсь точно воспроизвести его слова, но смысл сказанного помню хорошо. Владимир Владимирович предупреждал, чтобы наша затея не обернулась приятными вечерами клубного досуга, что литература — вещь очень серьезная, что заниматься ею можно только профессионально. Симпатично, конечно, говорил он, когда инженер или бухгалтер, придя в гости, может поиграть на пианино, спеть романс или написать стишок в альбом хозяйке дома. Считать то, что они делают, искусством и литературой, разумеется, нельзя. Это, конечно, не значит, что представитель любой профессии не может быть поэтом. Наоборот, такое даже крайне желательно, при подобном совместительстве в поэзию входит сама жизнь. Но при условии, что основная работа и поэтическое творчество не только не мешают друг другу, а существуют на равных правах.

Что же касается названия «Литературная мастерская», говорил далее Владимир Владимирович, то оно вообще годится. Потому что верно обозначает суть дела. В мастерской — работают. В вашем случае — делают стихи. Но делать поэтическую работу вы, наверняка, еще не умеете. Поэтому название «мастерская» приберегите на будущее. А пока называйтесь литературным кружком.

Бегло прочитав немногочисленные наши публикации в детской и юношеской печати, Владимир Владимирович рекомендовал участникам объединения писать стихи не «вообще», а по конкретному поводу. Таких поводов, говорил он, невпроворот, все вокруг нас — поэзия. Встречаются даже готовые строчки, вроде: «Изотермический вагон для скоропортящихся грузов». Разве не просится прямо в стих такая строчка?

В глазах Маяковского мелькали веселые огоньки, но лицо оставалось серьезным. Делать стихи бьющими в цель, продолжал он, вы научитесь скорее, если будете сочинять их для плакатов на темы дня или как подписи под сатирические рисунки. Один такой пример есть и у вас:

Грязны штаны,
грязна рубаха,
В чернилах плавает рука,
Что это шествует неряха,
Заметно всем издалека.

Это была звездная минута моей жизни: Владимир Владимирович обратил внимание на четверостишие под карикатурой в «Пионерской правде», призывавшей в те дни на борьбу за культуру поведения и внешний опрятный вид школьников. У меня достало смелости сказать, что автор рифмованной подписи — я и что сейчас сочиняю для нашей газеты стихи под другую карикатуру. Она призвана ополчиться против значков, которые собирались ввести для школьников. Юным максималистам из «Пионерки» казалось, что это создаст вокруг учащихся нежелательный ореол «исключительности».

— А вот это уже зря. Что плохого вы увидели в значках? — удивился Владимир Владимирович. — Ну, обозначит значок, что данный малолетний гражданин обучается в единой трудовой школе, — только и всего. Ведь имели же в старину ремесленники отличительные знаки своей принадлежности к определенной профессии. Порой они даже служили вывесками: крендель — у булочника, ножницы и расческа — у парикмахера. Знаете, о чем мне сейчас подумалось? — Маяковский заговорщически понизил голос. — Хорошо бы ввести значки и для некоторых стихотворцев, а то их, бедных, без этого никто поэтами не посчитает!

Мы дружно рассмеялись, и на этой веселой ноте закончилась наша беседа.

К тому же времени относится история, приключившаяся с одним ярко одаренным юным корреспондентом «Пионерской правды». Отличные стихи, написанные под сильным влиянием поэзии Маяковского, он публиковал в «Пионерской правде» и журнале «Барабан». Решив познакомить с ними Владимира Владимировича, он послал их ему в журнал «Новый Леф» и подписал: «Евг. Шалый».

Последствия этого были самые неожиданные. Юный стихотворец получил ответ, который привожу по памяти, уверен, что запомнил точно: «Стихи хороши, но подпись под ними наводит на размышления. Если «Евг. Шалый» — псевдоним, то зачем вам понадобилось пополнять ряды голодных, холодных и прочих приблудных поэтов?* Если же это фамилия, то советуем сменить ее на менее «поэтический» псевдоним».

Обо всем этом я рассказал друзьям в литературном кружке Дома печати. Спорили мы недолго, решили, что в ответе все верно. Ведь Владимир Владимирович не раз повторял, что «поэзия — производство». А на производстве брак недопустим. Даже в подписи!

Ничего нет дороже!

«...Отец в ту неделю работал в ночной смене, и мы с матерью по обыкновению проводили вечера за столом перед керосиновой лампочкой. Я читал вслух какую-нибудь книжку, взятую из книжных сокровищ сарая, или слушал, как читает мать...»

Федор Васильевич Гладков положил карандаш: на сегодня хватит. Много трудиться врачи не позволяют, но стопа бумаги, исписанной крупным почерком, тем не менее растет. Работа задумана большая — предстоит написать четвертый том автобиографической эпопеи.

Ф. В. ГЛАДКОВ. Фото из архива автора. Публикуется впервые.

Широко популярны и любимы читателями были вышедшие три книги этого эпического произведения — «Повесть о детстве», «Вольница» и «Лихая година». Рассказ о чтениях при свете керосиновой лампы, который я, с разрешения автора, переписал в свой блокнот, был взят из рукописи четвертой книги, еще далекой от завершения, но уже имевшей название — «Мятежная юность». О чем она? С этим вопросом по поручению газеты «Вечерняя Москва» я более двадцати лет назад обратился к одному из старейших русских писателей и зачинателей советской литературы.

День выдался жарким, но Федор Васильевич, встретивший меня на подмосковной даче, был одет тепло — сказывалось нездоровье. Однако на вопросы отвечал охотно, заинтересованно.

— В опубликованных автобиографических повестях, — говорил он, — я стремился воссоздать картины истории революционного движения в деревне. В «Мятежной юности» хочу нарисовать еще один исторический этап народной жизни — возникновение организованного рабочего движения в нашей стране. Рассказы о той поре многие дореволюционные беллетристы обычно окрашивали в мрачные тона. По их книгам выходило, что у рабочих не было никакого выхода.

В действительности же было не так! — взволнованно восклицал Федор Васильевич. — Совсем не так! В четвертом томе я расскажу о том, как гневно выступали рабочие против чудовищной капиталистической эксплуатации, как поднимались они на борьбу за будущее. Хочу на живых примерах показать, как происходил рост революционного самосознания и организации рабочего класса. В своих воспоминаниях думаю обратиться к Екатеринодару 90-х и начала 900-х годов — времени, для которого было характерно кризисное состояние промышленности. Дело тогда доходило до локаутов, рабочих выбрасывали на улицу; часть их деклассировалась, часть уходила в деревню, но в большинстве своем они боролись с эксплуататорами...

Чувствовалось, что писатель захвачен замыслом своей будущей книги: на вопрос о ее героях он напомнил, что с некоторыми из них читатели уже знакомы по предшествующим автобиографическим повестям:

— Как и прежде, повествование будет вести Федя. Только крестьянский мальчик предстанет уже юношей, служащим сначала на побегушках в аптекарском магазине, потом — наборщиком в типографии. Вновь читатели встретятся с матерью Феди — Настей. Теперь она работница паровой мельницы. Я хочу показать, как пробуждается классовое сознание этой женщины, так долго находившейся в плену у старого. В четвертой книге я выведу и новых героев, постараюсь подробно проследить в повести их судьбы.

Нахмурилось, подул ветерок, Федора Васильевича позвали в дом. Стол в его небольшом дачном кабинете был буквально завален письмами. К Гладкову — депутату Верховного Совета РСФСР — по самым различным вопросам обращались избиратели. У старейшины советской литературы просили совета начинающие писатели. Много писем приходило от читателей. Об этих корреспонденциях писатель говорил с особой теплотой:

— Такие письма — дорогое свидетельство духовного роста советских людей. Их глубокие, интересные мысли о литературе поражают и бесконечно радуют...

...Деревянный стакан на письменном столе был туго набит остро отточенными карандашами, Федор Васильевич писал только ими.

— К автоматической ручке привыкнуть не могу, — с улыбкой, словно оправдываясь, говорил он. — А тянуться обычным пером к чернильнице, затем — к бумаге не хватает ни сил, ни времени. А ведь мне так много нужно еще успеть...

***

Спустя неделю после моего посещения Ф. В. Гладкову исполнилось 75 лет. В этот день я решил отвезти ему на дачу газету, в которой была опубликована наша с ним беседа. Федор Васильевич тепло поблагодарил и тут же развернул передо мной свежий номер «Комсомольской правды»:

— Поглядите, какой подарок преподнесла мне сегодня наша молодежная газета. Вот статья, которую написали работники завода «Серп и молот» — старшие мастера И. Туртанов и И. Романов, сталевар И. Клюев и бригадир А. Тимофеев. Обратите внимание, как она называется: «Наш Гладков».

Федор Васильевич был взволнован до глубины души. Он показал мне и разрешил переписать письмо, которое написал утром и собирался отправить авторам статьи в «Комсомолке»:

«...Впервые в моей жизни я услышал задушевные слова родных мне людей: «Наш Гладков».

Не было и нет для меня ничего дороже этих слов.

Выросший в рабочей среде, участвовавший в трех революциях, воспитанный ленинской партией, я непрерывно чувствовал сердце рабочего человека, думал его думами, жил его стремлениями, идеалами и борьбой. Моя судьба — это судьба рабочего класса. И книги мои, написанные кровью моего сердца, конечно, отражение духа народного, летопись борьбы и созидания рабочего класса, начавшего новую эру под водительством великой нашей партии.

Крепко, братски жму ваши руки. Прошу передать мой душевный привет всем рабочим и инженерам вашего завода...»

По случаю дня рождения Федор Васильевич был в галстуке, сам показал место в саду для фотосъемки. На вопрос, что бы он хотел сказать читателям газеты в день своего юбилея, старый писатель ответил:

— Скажу то же, слово в слово, что говорил на нашем Втором писательском съезде. Я не хочу стареть, я желаю сохранить молодость пожизненно, потому что наша жизнь — то многогранное и наступательное творчество. А в творчестве, в созидании нового люди не стареют, а молодеют!

---

* В газетах и журналах той поры часто появлялись имена поэтов Михаила Голодного, Ивана Приблудного, очеркиста Тихона Холодного (авт.).